

**АРГО
НАВТЫ
МЭГГИ
НЕЛЬСОН**

No Kidding Press

Мэгги Нельсон

Аргонавты

«ВЕБКНИГА»

2015

Нельсон М.

Аргонавты / М. Нельсон — «ВЕБКНИГА», 2015

ISBN 978-5-60447-492-1

«Аргонавты» Мэгги Нельсон – текст на стыке жанров, автотеоретическое высказывание о желании, идентичности, создании квин-семьи, ограничениях и возможностях любви и языка. Работая в традиции публичных интеллектуалов, таких как Сюзен Сонтаг и Ролан Барт, Нельсон сплетает историю своих отношений с художником Гарри Доджем с исследованием того, что культовые теоретики говорили о сексуальности, гендере, институте брака и материнстве. Это вдумчивая и бескомпромиссная книга о радикальной свободе и ценности заботы о другом.

ISBN 978-5-60447-492-1

© Нельсон М., 2015

© ВЕБКНИГА, 2015

Содержание

Аргонавты	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мэгги Нельсон

Аргонавты

Перевод *Михаила Захарова*

Редакторка: *Анастасия Каркачёва*

Корректоры: *Виктория Зенчук, Юля Кожемякина*

Верстка: *Владимир Вертинский*

Адаптация обложки: *Юля Попова*

Техническая редакторка: *Лайма Андерсон*

Издательница: *Александра Шадрина*

The Argonauts

Copyright © 2015 by Maggie Nelson

All rights reserved.

© Михаил Захаров, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2021

Посвящается Гарри

Аргонавты

Октябрь 2007-го. Ветер Санта-Ана срывает с эвкалиптов длинные белые полосы коры. Мы с подругой рискуем жизнью, обедая на улице, и она предлагает мне набить на костяшках слово «НЕДОТРОГА» – напоминание о том, какие плоды приносит эта поза. Но едва ты вставляешь мне в зад на сыром полу своей славной холостяцкой берлоги, я, уткнувшись лицом в бетон, выплевываю заклинание – признание в любви. На прикроватном столике у тебя «Моллой», а в темной и сухой душевой кабинке – штабель дилдо. Что может быть лучше? «Как тебе нравится?» – спрашиваешь ты и задерживаешься в ожидании ответа.

Всю жизнь до нашего знакомства меня не отпускала мысль Витгенштейна о невыразимом, которое (невыразимо) содержится в выраженном. Эта мысль менее популярна, чем благоговейное *о чем невозможно говорить, о том следует молчать*¹, но, как мне кажется, более глубока. Ее парадокс буквально в следующем: *зачем я пишу* или почему я не перестаю писать.

Ибо она не подпитывает и не сгущает тревогу вокруг невозможности выразить словами то, что им неподвластно. Она не требует от произносимого быть тем, чем оно по определению быть не может. Не делает она и уступок, не приободряет: *О, можно было бы столько сказать, если б хватило слов!* Слов всегда хватает.

Напрасно невод в бреших упрекать, гласит моя энциклопедия.

Таким образом, можно не только подмести замусоренный пол пустой церкви, но и заставить сиять красивые витражи под сводами. Потому что невозможно поднастрать словом в пространстве, предназначенном для Бога.

Я всё это уже проговорила где-то еще, но теперь пытаюсь сказать что-то новое.

Вскоре я выяснила, что тебя точно так же всю жизнь не отпускало убеждение, что слов всегда не хватает. Что их не просто не хватает, но они разъедают всё лучшее, настоящее, текущее. Мы много об этом спорили, с жаром, но беззлобно. Когда мы даем вещам имена, говоришь ты, мы начинаем видеть их иначе. Всё неименуемое отпадает, теряется, погибает – так уж работает наш заурядный мозг. Ты говоришь, что к этой ясности тебя привел не отказ от языка, а глубокое в него погружение: на экране, в разговоре, на сцене, в тексте. Мои доводы были в духе воззрений Томаса Джефферсона на церкви: да здравствует изобилие, калейдоскопический вихрь, переизбыток². Я настаивала: слова не только именуют. Я зачитала вслух начало «Философских исследований». *Плита*, вскричала я, *плита!*³

Я было решила, что выиграла. Ты не прочь допустить существование неплохого человека, неплохого человеческого животного, даже если человеческое животное пользуется языком, даже если сама способность пользоваться языком определяет его человечность – даже если человечность как таковая подразумевает погром и испепеление нашей бесконечно разнообразной, бесценной планеты, а также ее – нашего – будущего.

Но и я изменилась: по-новому взглянула на неименуемые вещи или, по крайней мере, на те, чья сущность в мерцании, текучести. Я вновь признала, как грустно, что мы рано или поздно вымрем, и как несправедливо, что из-за нас вымрут и другие; перестала самодовольно повторять: *Всё, что вообще мыслимо, можно мыслить ясно [Людвиг Витгенштейн]*, – и заново задалась вопросом, мыслимо ли всё.

¹ Здесь и далее цитаты из «Логико-философского трактата» и «Философских исследований» приводятся по изданию: *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I /перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994.

² Третий президент США Томас Джефферсон выступал за отделение церкви от государства и полную свободу совести и вероисповедания.

³ «...воскликая „плита!“, я хочу, чтобы *он принес мне плиту!* – Безусловно. А заключается ли „это хотение“ в том, что ты мыслишь предложение, так или иначе отличное по форме от произнесенного тобой?» (Л. Витгенштейн, «Философские исследования»).

А ты – едва ли тебе был знаком деланный комок в горле. Всегда на милую впереди, с потоком слов в кильватере. Как могла я догнать тебя? (Иными словами, *откуда вообще взялось твоё желание ко мне?*)

Назавтра или через день после признания в любви, обуреваемая новой уязвимостью, я отправила тебе фрагмент из «Ролана Барта о Ролане Барте», в котором Барт сопоставляет субъекта, который произносит «я люблю тебя», и аргонавтов, которые «в ходе плавания обновляли свой корабль, не меняя его имени»⁴. Даже если все части заменены, *Арго* всё равно зовется *Арго*; так и значение слов «я люблю тебя» должно постоянно обновляться, поскольку «работа любви и речи именно в том, чтобы всякий раз придавать одной и той же фразе новые модуляции».

Я сочла этот фрагмент романтическим, а тебе в нем привиделся намек на отступление. Оглядываясь назад, скажу, что правы оказались мы оба.

У тебя получилось пробить мое одиночество, сказала я тебе. Одиночество было продуктивным и зиждилось на недавно обретенной трезвости, длинных прогулках до спортзала и обратно по заросшим бугенвиллиями переулкам Голливуда, катании по Малхолланд-драйв, которым я коротала долгие ночи, и, естественно, маниакальных приступах письма, когда я училась не обращаться к кому-то конкретному. Но время пробить его пришло. *Думаю, я могу поделиться всем, не жертвуя собой*, прошептала я тебе на кровати в подвале. Такие плоды приносит одиночество, если им правильно распорядиться.

Пару месяцев спустя мы вместе отметили Рождество в отеле в центре Сан-Франциско. Я забронировала для нас номер через интернет в надежде, что за мои старания и благодаря совместно проведенному времени ты полюбишь меня навсегда. Дешевизна отеля, как выяснилось, объяснялась отвратительно шумным ремонтом и расположением в самом сердце героинового Тендерлойна. Ну и пускай – у нас были другие дела. Солнце пробивалось сквозь крысиного цвета жалюзи, за которыми грохотали рабочие, а мы приступили к делу. *Только не убей меня*, сказала я, когда в твоих руках (улыбка) оказался кожаный ремень.

За Бартом последовала еще одна попытка – стихотворение Майкла Ондатже:

Целую живот
целую покрытую шрамами
лодочку твоей кожи. История –
вот что: ты на ней приплыла
и дальше несешь с собой

И тебя, и меня в живот
целовали разные
кого второй и не знает

И вот что
я благословляю каждого
кто тебя целовал сюда⁵

Я отправила этот фрагмент не потому, что достигла той же умиротворенности, а в надежде, что однажды смогу ее достичь – что ревность схлынет и я смогу без отчуждения и отвращения лицезреть имена и образы других, нанесенные на твою кожу. (На одном из первых

⁴ Здесь и далее цитаты из «Ролана Барта о Ролане Барте» приводятся по изданию: *Барт Р.* Ролан Барт о Ролане Барте / пер. с франц. С. Н. Зенкина. М.: Ad Marginem; Сталкер, 2002.

⁵ Пер. с англ. Д. Кузьмина.

свиданий мы заглянули к «доктору Татоффу»⁶ на бульвар Уилшир – у обоих от перспективы разделаться с прошлым кружилась голова. Из салона мы вышли огорченные – преискурантом и невозможностью полностью вывести пигмент.)

После обеда подруга, посоветовавшая «НЕДОТРОГУ», проводит меня в свой офис и предлагает погуглить тебя за меня – проверить в интернете, какое местоимение ты предпочитаешь, ведь, вопреки или, скорее, благодаря тому обстоятельству, что мы каждую минуту свободного времени проводим в постели и уже планируем съезжаться, я до сих пор не задала тебе этот вопрос. Наоборот, я быстро научилась избегать местоимений. Секрет в том, чтобы перестать раздражаться от бесконечного повторения одного и того же имени, научиться прятаться в грамматических тупиках, отдаться упоению конкретикой. Необходимо принять существование чего-то за рамками Двоицы, особенно когда вы пытаетесь быть образцовыми партнерами – тем более супругами. *Супруги – противоположность пар. Бинарных оппозиций – вопрос – ответ, мужское – женское, человек – животное и т. д. – больше нет. Этим, вероятно, и является разговор – наброском становления [Жиль Делёз / Клер Парне].*

Но, как бы я ни преуспела в таком разговоре, я до сих пор не могу без стыда или неловкости покупать авиабилеты на двоих или от лица нас обоих вести переговоры с отделом кадров. Дело не в собственном стыде или неловкости – скорее мне стыдно за тех, кто выносит неверные суждения и кого вопреки раздражению приходится поправлять, – но как их поправишь, ведь слов не хватает.

Как вообще слов может не хватать?

Изголодавшаяся по любви, я лежу на полу в кабинете моей подруги и искоса наблюдаю за тем, как она скроллит бесконечный светящийся массив ненужной мне информации. Я хочу тебя вне знания других о тебе, хочу, чтобы мне никогда не приходилось прибегать к третьему лицу. «Смотри, цитата Джона Уотерса. Говорит: „Она огонь“. Наверное, тебе стоит говорить „она“. Блин, *Джон Уотерс* фигни не скажет». *Это было давно*, говорю я, поднимая взгляд от пола. *Всё могло измениться.*

Работая над буч-бадди-муви «Суком или крюком»⁷, вы с соавтором Сайласом Говардом условились, что друг к другу буч-персонажи будут обращаться в мужском роде, а во внешнем мире продуктовых магазинов и властных фигур к ним будут обращаться в женском. Суть была не в том, что всё вдруг встанет на свои места, если внешний мир научится использовать предпочитаемые ими местоимения, – ведь даже если бы посторонние и обращались к ним в мужском роде, это был бы иной мужской род. Значение слов зависит от того, кто их произносит, – и тут ничего не поделаешь. Нужно не просто создавать новые слова (*бой, цисгендерный, андрофэз*) и устремляться претворять их в жизнь (хотя это, очевидно, действенный и прагматичный подход). Нужно также осознавать множественность возможных употреблений, возможных контекстов, крыльев, на которых взмывают слова. Например: *Ты всего лишь дырка, дающая в себя войти*, шепчешь ты. Например: *Муж*, произношу я.

В начале отношений мы посетили званый ужин, на котором давняя знакомая Гарри (предположительно, гетеросексуальная или, по крайней мере, состоящая в гетеросексуальном браке) повернулась ко мне и спросила: «А у тебя до Гарри были другие женщины?» Я опешила. «Гетеро всегда были от Гарри без ума», – без тени смущения продолжила она. А женщина ли Гарри? И гетеро ли я? Что общего у моих прежних отношений с «другими женщинами» с нынешним романом? Зачем мне знать, что другие «гетеро» без ума от моего Гарри? Неужели он околдовал меня своей сексуальной энергией – колоссальной, как я уже поняла, – и вскоре отправится соблазнять других, бросив меня одну? Почему эта женщина, которую я едва знаю, так со мной разговаривает? Когда, наконец, Гарри вернется из туалета?

⁶ Dr. Tatoff – салон по выведению татуировок (дословно – «Доктор Татунет»).

⁷ By Hook or by Crook (2001).

Многих раздражает, что Джуна Барнс предпочитала говорить: «Я просто люблю Тельму», – вместо того, чтобы открыто признать свою гомосексуальность. Похожие слова (пусть и не точь-в-точь) Гертруда Стайн говорила об Элис. Пожалуй, это и правда возмутительно с политической точки зрения, но я всегда находила что-то романтическое в том, чтобы позволить индивидуальному опыту желания взять верх над категориальным. Вспоминается, как искусствовед Ти Джей Кларк защищал свой интерес к живописцу восемнадцатого века Никола Пуссену от воображаемых хулителей: «Называть интерес к Пуссену ностальгией или элитизмом – всё равно что называть любовь к самому близкому человеку „гетеро- (или гомо-) сексизмом“, „моногамией“ или „собственничеством“. Да, к сожалению, эти слова могут быть применимы; но сами чувства могут быть куда полнее и человечнее – заключать в себе больше эмпатии и человеческих возможностей, – чем чувства, не запятнанные подобными аффектами или побуждениями». В данном случае, да и в любом другом, быть запятнанным – значит *стать глубже*, а не дискредитировать себя.

А кроме того, все знают, что у Барнс и Стайн были женщины, помимо Тельмы и Элис. Знала об этом и сама Элис: по-видимому, она так обезумела от ревности, когда выяснила, что в раннем романе *Q. E. D.* Стайн зашифровала рассказ о своей интрижке с некой Мэй Букстейвер, что, редактируя и набирая на печатной машинке тексты Стайн, наострилась избавляться от слов *tau* и *май*⁸, став таким образом невольным соавтором «Стансов в размышлениях».

В феврале я уже колесила по городу, пытаюсь найти для нас и твоего сына, с которым мне еще только предстояло познакомиться, достаточно большую квартиру. Наконец мы нашли дом на холме – с глянцевым темным паркетом, видом на гору и неприлично завышенной арендной платой. Получив ключи, мы в тот же вечер в ребяческом восторге постелили тонкое одеяло на паркете нашей будущей первой спальни.

Гора. Поросшая колючками, со стоячим водоемом на вершущке, но на целых два года – наша гора.

И вот я уже складываю в стопку стиранные вещи твоего сына. Ему только что исполнилось три. Такие маленькие носочки! Такие крохотные трусики! Я изумлялась им, грела ему каждое утро какао – не очень горячий, порошка с ноготок – и часами напролет играла с ним в павшего воина. Игра заключалась в том, что он падал без чувств со всей своей амуницией: кольчужным капюшоном, мечом, ножнами – и раненой рукой, перевязанной шарфом, а я была доброй Синей колдуньей, с ног до головы осыпавшей его целебной пылью, чтобы вернуть к жизни. У меня была злобная сестра-близнец; она валила его с ног своим ядовитым голубым порошком. Но на сей раз я его лечила. Он лежал без движения, закрыв глаза и чуть улыбаясь, а я произносила монолог: *Откуда появился сей солдат? Что привело его сюда – в такую даль? Как сильно ранен он? Коли проснется – будет мил, свиреп? Поймет ли он, что я на стороне добра, – или решит, что я – моя сестра? Что сделать мне, чтоб к жизни вернуть его?*

Той осенью повсюду, как сорняки, появлялись знаки «ГОЛОСУЙ ЗА ПРЕДЛОЖЕНИЕ 8»⁹, самый вопиющий из которых воткнули в прекрасную лысую гору, мимо которой я проходила каждый день по дороге на работу. На знаке были изображены четыре фигуры из палочек, воздевшие руки к небу в пароксизме радости – гетеронормативной, надо думать, поскольку одна из них была в треугольной юбке. (*Что это, вообще, за треугольник такой? Моя пизда? [Айлин Майлз]*) «ЗАЩИТИТЕ ДЕТЕЙ КАЛИФОРНИИ!» – весело призывали человечки.

Каждый раз, проходя мимо знака, воткнутого в ни в чем не повинную гору, я вспоминала снимок Кэтрин Опи «Автопортрет/Самопорезание»¹⁰ 1993 года: Опи сфотографировала соб-

⁸ tau – мочь; Май – май (англ.).

⁹ Предложение 8 – конституционная поправка штата Калифорния, принятая на референдуме 4 ноября 2008 года. Действовала на территории Калифорнии и определяла брак как «союз между мужчиной и женщиной», исключая, таким образом, однополые браки.

¹⁰ Self-Portrait/Cutting.

ственную спину с вырезанным на ней рисунком дома и двух женских фигур из палочек, держащихся за руки (в двух треугольных юбках!), а также солнышка, облачка и двух птичек. Когда она делала снимок, из ран еще сочилась кровь. «Опи, на момент создания работы недавно расставшаяся со своей партнершей, жаждала создать семью, и образ высвечивает всю болезненную противоречивость этого желания», – поясняет статья в *Art in America*.

«Не понимаю, – сказала я Гарри, – кому нужен плакат за Предложение 8, но с двумя треугольными юбками?»

Гарри пожал плечами: «Кэти, наверное».

Когда-то я написала книгу о том, как в гей-поэзии (Эшбери, Скайлер) и женской поэзии (Майер, Нотли) раскрывается тема сожительства¹¹. Я написала ее, когда жила в Нью-Йорке – в малюсенькой душной мансарде на оживленной бруклинской улице, подчеркнутой линией метро F. В непригодной к использованию духовке лежало окаменелое мышинное дерьмо, холодильник, за исключением пары бутылок пива и протеиновых батончиков с арахисом и медом, был пуст, кроватью служил матрас на листе фанеры, который опасно покачивался на пластиковых ящиках из-под молочных бутылок, а сквозь пол я утром, днем и ночью слышала одно и то же «осторожнодверизакрываются». В этой квартире я в лучшем случае проводила около семи часов в день, лежа на кровати. Но чаще я спала где-нибудь еще. Большую часть того, что мне довелось написать и прочесть, я написала и прочла в публичных местах – и эти строки тоже пишу в публичном месте.

Я была очень рада так долго снимать жилье в Нью-Йорке, потому что, снимая – по крайней мере, как делала это я, не ударившая и пальцем о палец, чтобы привести место в порядок, – можно позволить вещам вокруг буквально разваливаться на части. Затем, когда уже немного чересчур, просто съезжаешь.

Многие феминистки требовали *отмены модели домашнего быта как отдельной, неотъемлемо женской среды и реабилитации домашнего пространства как этического, аффективного, эстетического и публичного* [Сьюзен Фрейман]. Не уверена, что конкретно подразумевается под «реабилитацией», но, сдаётся мне, что в своей книге я метила примерно туда же. Но уже тогда я подозревала, что занималась этим только потому, что у меня не было дома – и мне это нравилось.

Мне нравилось играть в павшего воина, потому что так я могла изучить лицо твоего сына в состоянии безмолвного покоя: его большие миндалевидные глаза, уже немного веснушчатую кожу. А он явно получал непривычное, расслабляющее удовольствие просто лежа на полу в невидимой броне, пока абсолютно незнакомая женщина, которая быстро становилась частью семьи, приподнимала и осматривала каждую его конечность, чтобы найти рану.

Недавно к нам заглянула моя подруга и взяла для кофе кружку, доставшуюся мне в подарок от матери. Такие кружки с любым фото на выбор можно заказать с помощью онлайн-сервиса «Снэпфиш». Я была от нее в ужасе, но это самая большая из наших кружек, так что мы решили ее оставить на случай, если кому-то захочется корыто теплого молока.

Vau, сказала моя подруга, наполняя кружку. *В жизни своей не видела ничего более гетеронормативного.*

На фото я со своей семьей: мы все принарядились, чтобы пойти на «Щелкунчика» на Рождество – этот ритуал был важен для моей матери, когда я была маленькой, и мы с ней решили возродить его, когда у меня появились собственные дети. Я на седьмом месяце беременности будущим Игги, у меня высокий конский хвост и леопардовое платье; Гарри и его

¹¹ Nelson M. *Women, the New York School, and Other True Abstractions* («Женщины, Нью-Йоркская школа и другие истинные абстракции»). University of Iowa Press, 2007.

сын, неотразимые, облачены в одинаковые черные костюмы. Мы в доме моей матери перед камином, на котором вывешены носки с нашими инициалами. Выглядим счастливыми.

Но что в этом кричит о гетеронормативности? То, что моя мать сделала кружку с помощью буржуазного «Снэпфиша»? То, что мы открыто присоединяемся (или с неохотой соглашаемся присоединиться) к давней традиции – фотографироваться семьей на праздниках во всем своем праздничном великолепии? То, что моя мать сделала мне кружку, отчасти чтобы подтвердить, что она признает мое существование и принимает мое племя в свою семью? Что насчет моей беременности – она тоже по определению гетеронормативна? Или все-таки предполагаемая оппозиция между квинностью и размножением (или, если выразиться более изящно, материнством) – это скорее реакционное принятие того, как всё устаканилось в мире квириков, чем признак некоей онтологической истины? Отомрет ли предполагаемая оппозиция, если квиры будут больше рожать? Будем ли мы по ней скучать?

Разве беременность не квинна по определению, если она фундаментально изменяет «обыкновенное» состояние и предполагает радикальную близость (и радикальное разобщение) с собственным телом? Как может настолько странный, причудливый и трансформирующий опыт одновременно означать или приводить в действие самую возмутительную форму конформизма? Или это еще один способ отказать всему, что слишком тесно связано с человеческой самкой, в приближенности или принадлежности к понятиям, наделенным ценностью (в данном случае – конформизму или радикальности)? Но как быть с тем, что Гарри – ни мужчина, ни женщина? *Я особенный – два в одном*, поясняет Валентин, его персонаж в «Суком или крюком».

Когда или как *новые системы родства подражают прежним установкам нуклеарной семьи* и когда или как они *радикально реконтекстуализируют их и переосмысливают родство* [Джудит Батлер]? Где проходит граница? Или даже не так: кто ее проводит? *Скажи своей подружке, пускай найдет кого-нибудь еще, с кем можно поиграть в семью*, сказала твоя бывшая, когда мы съехались.

Мнить себя подлинной, подразумевая, что остальные просто прикидываются, пытаются соответствовать или подражают, – приятно. Но от любой незыблемой претензии на подлинность, особенно в контексте идентичности, недалеко и до психоза. *Коль скоро человек, возмнивший себя королем, – безумец, не меньший безумец король, возмнивший себя таковым* [Жак Лакан].

Возможно, именно поэтому концепция «подлинного „я“» психолога Д. В. Винникотта так меня трогает. Можно стремиться к подлинности, можно помочь другим почувствовать себя подлинными и можно почувствовать подлинным себя – это чувство Винникотт описывает как коллективное, первичное ощущение себя живым, ощущение «живых телесных функций, работы телесной ткани и органов <...>, включая сердечную деятельность и дыхание»¹², делающее возможными спонтанные жесты. Для Винникотта ощущение подлинности не реакция на внешние раздражители и не некая идентичность. Это переживание, которое расходится по телу. Помимо прочего, оно дарит желание жить.

Некоторые находят удовольствие в том, чтобы соотносить себя с некоей идентичностью – как в знаменитой строчке *с тобой я чувствую себя как настоящая женщина*¹³, которую прославили Арета Франклин и позднее Джудит Батлер, отметившая дестабилизирующую силу этого сравнения. Но такое соотношение может вызывать и ужас, не говоря о том, что для кого-то оно вообще невозможно. *Невозможно двадцать четыре часа в сутки жить с осознанием соб-*

¹² Пер. с англ. Т. В. Снегиревой.

¹³ You make me feel like a natural woman.

ственного пола. К счастью, гендерное самосознание обладает спорадической природой [Дениз Райли].

Один мой знакомый говорит, что думает о гендере как о цвете. У гендера и цвета есть некая общая онтологическая неопределенность: не совсем точно говорить, что объект *есть* цвет, как и то, что у объекта *есть* цвет. Многое меняется в зависимости от контекста: *все кошки серы* и т. д. Не является цвет и произвольным. Однако ни одна из этих формулировок не означает, что данный объект *бесцветен*.

Неправильное прочтение [«Гендерного беспокойства»] выглядит примерно так: с утра я встаю, заглядываю в шкаф и выбираю свой гендер на сегодня. Я могу вытащить предмет одежды и изменить свой гендер: стилизовать его, а вечером поменять его вновь, чтобы стать радикально иной, так что в итоге мы имеем некую коммодификацию гендера, облачение в гендер как своего рода консьюмеризм... Но на самом деле я имела в виду, что само формирование субъектов, само формирование персон в определенном смысле служит предпосылкой гендера – что гендер не выбирают и что «перформативность» – не радикальный выбор и не волюнтаризм... Перформативность связана с повторением (и зачастую форсированным повторением) репрессивных и болезненных гендерных норм с целью их переозначивания. Это не свобода, а лишь вопрос того, как разобраться с ловушкой, в которой неизбежно оказывается каждый [Джудит Батлер].

Наверное, ты должна подарить ей кружку в ответ, размышляет моя подруга, попивая кофе. Как насчет кружки с окровавленной головкой Игги, вылезавшей из твоей вагины? (Ранее тем же днем я рассказала ей, что меня немного задело нежелание моей матери смотреть на фотографии моих родов; Гарри напомнил мне, что мало кто любит рассматривать подобные снимки, особенно наиболее красочные из них. Я была вынуждена признать, что в прошлом относилась к фотографиям чужих родов так же. Но в собственном послеродовом тумане я чувствовала себя так, словно произвести Игги на свет – огромное достижение; почему моя мать не гордилась моими достижениями? Она ведь *заламинировала* страницу из *New York Times*, где говорилось, что я получила стипендию Гуггенхайма, черт возьми. Не в силах выбросить коврик с газетной вырезкой (неблагодарность) и одновременно не зная, что еще с ним сделать, я подложила его под стульчик Игги, чтобы еда не пачкала пол. Учítывая, что стипендия ушла на его зачатие, каждый раз, стирая губкой кусочки пшеничных хлопьев или брокколи, я испытываю смутное чувство удовлетворения.)

Во время первых совместных выходов в свет я много краснела, а от удачи кружилась голова, в которую никак не укладывалось пламенеющее осознание того, что я настолько очевидным образом получила всё, что хотела, всё, что только можно пожелать. *Красивого, талантливое, остроумное, четкое, волевого тебя*. Мы часами хихикали на красном диване. *Если мы продолжим в том же духе, придет полиция счастья и арестует нас. Арестует за нашу удачу*.

Что, если я там, где мне и нужно? [Дебора Хэй] До тебя я всегда полагала, что эту мантру можно использовать только для того, чтобы справиться с разочарованием или даже катастрофой. Я и представить не могла, что она применима к радости.

В «Дневниках раковой больной»¹⁴ Одри Лорд восстает против императива к оптимизму и счастью, с которым столкнулась в медицинском дискурсе о раке груди. «Неужели я действительно боролась с радиационными отходами, расизмом, фемицидом, химической модификацией нашей пищи, загрязнением окружающей среды, насилием и психическим уничтожением нашей молодежи лишь для того, чтобы избежать главной и важнейшей обязанности – быть

¹⁴ Lorde A. The Cancer Journals. Aunt Lute Books, 1980.

счастливой? – пишет Лорд. – Давайте же искать „радость“ вместо настоящей еды, свежего воздуха и психически здорового будущего на пригодной для жизни земле! Как будто счастье само по себе сможет защитить нас от последствий корыстного безумия».

Счастье не защита и однозначно не обязанность. *Свобода быть счастливой ограничивает человеческую свободу, если у тебя нет свободы быть несчастной [Сара Ахмед]*. Но одна из этих свобод может войти в привычку, и только ты знаешь, какую выбрала.

История свадьбы Мэри и Джорджа Оппенов¹⁵ – одна из немногих известных мне гетеросексуальных историй, в которых фиктивность лишь добавляет браку романтики. История такова: однажды вечером в 1926 году Мэри отправилась на свидание с Джорджем, которого едва знала по университетскому курсу поэзии. Мэри вспоминает: «Он приехал забрать меня на „Форде“ модели Т своего соседа по комнате, и мы выехали на природу, сидели и говорили, потом занялись любовью и проговорили до утра... Так мы еще никогда не общались – сплошным потоком». Утром по возвращении в общежитие Мэри узнала, что отчислена; Джордж был временно отстранен от занятий. После чего они вместе двинули автостопом по открытой дороге.

До того как Мэри встретила Джорджа, она была твердо настроена против брака и считала его «катастрофической западней». Но она также знала, что двое людей, путешествующие вместе и не состоящие в браке, уязвимы перед законом Манна – одним из многочисленных законов в американской истории, которые номинально утверждались для того, чтобы бороться с однозначно плохими вещами вроде сексуального рабства, но на деле применялись, чтобы преследовать тех, чьи отношения государство считает «аморальными».

И вот в 1927 году Мэри вышла замуж. Она описывает этот день так:

Несмотря на мою непоколебимую уверенность в том, что наши с Джорджем отношения государства не касаются, нам совсем не хотелось угодить в тюрьму во время путешествия, поэтому мы поженились в Далласе. Девушка, с которой мы познакомились, дала мне пурпурное бархатное платье, а ее парень угостил нас пинтой джина. Джордж надел мешковатые бриджи, принадлежащие его соседу по комнате; пить джин мы не стали. Мы купили кольцо за десять центов и направились в здание суда из уродливого красного песчаника, которое и поныне стоит в Далласе. Я назвала собственное имя, Мэри Колби, а Джордж воспользовался псевдонимом Дэвид Верди – он скрывался от отца.

¹⁵ Джордж Оппен (1908–1984) – американский поэт-объективист. Мэри Оппен (1908–1990) – американская писательница и художница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.